

После того как проводили брата и забрали лук со стрелами, четверо мужчин семьи Ли отправились в обратный путь из города Фанъян.

Всю дорогу Ли Цинфэн не выпускал новое оружие из рук. Придорожным кустам и веткам не поздоровилось — стоило им подвернуться под руку, как Четвёртый брат тут же пускал в них стрелу. Ли Цинжуй с остальными только диву давались: Четвёртый раньше и лука-то не касался, а бил на редкость метко. Сам юноша, само собой, похвалой гордился, но секрета своей меткости не раскрывал.

Позже Ли Цинжуй рассудил, что всё дело в старой привычке: Четвёртый брат с детства мастерски кидался в людей камнями, вот глаз и натренировал.

В прошлый раз они привозили домой соевый творог — госпожа Чэнь и невестка Цзян его очень хвалили. Но сейчас, проходя мимо лавки, где делали тофу, путники лишь проводили её взглядом: в кошелях после всех покупок не осталось ни гроша.

Через несколько дней они добрались до родной деревни. Погода стояла тёплая, и в каждом доме уже вовсю готовились к весеннему севу.

Семена сладкого сорго, что Ли Маосянь со своими людьми привёз из уезда Ли в прошлом году, были наготове. Все в деревне с нетерпением ждали момента, когда можно будет их посеять и поскорее собрать урожай, чтобы наварить полные котлы сладкой патоки.

Стоило отцу отлучиться, как Ли Цинфэн, забросив книги, тайком улизнул из дома. Весь день он пробродил по холмам с луком за плечами, но так и не встретил ни единого зайца, а по возвращении лишь схлопотал заслуженную нахлобучку.

Ли Цинвэнь, понемногу привыкая к сложному письму, уже знал «Тысячесловие» назубок.

Пока не начались основные полевые работы, семья снова занялась варкой сахара. Теперь почти в каждой городской лавке продавали и леденцы с иероглифами, и сладости с узорами — прибыли это приносило меньше, чем прежде, но Ли дорожили каждой монетой: когда в доме нет денег, на душе всегда беспокойно.

На этот раз Сынок не стал делать иероглифы, а придумал два новых узора. Первые леденцы, круглые, словно яркие вихри и похожие на леденцы на палочке, он сделал из соевой муки, перемешав её с алой пастой из боярышника. Вторые были в форме нарядных красных звёзд с сердцевинкой из того же боярышника. Других материалов под рукой не оказалось, но яркий красный цвет всегда привлекал глаз и выглядел свежо.

Госпожа Чэнь и невестка Цзян быстро освоили новые узоры — дело-то было нехитрым. За работой мать невольно вспоминала былое. Не успела она научить слуг своего восьмого брата, Чэнь Шаньяня, варить сахар, как коробейник Цю примчался к ней впопыхах: в уезде, мол, объявились точно такие же леденцы с пандами и кошачьими лапками, один в один как у них.

Окажись это делом рук чужака, госпожа Чэнь бы только вздохнула — такова доля. Но поступить так решился её двоюродный брат, который клялся приложить все силы ради спасения мужа, а на деле поспешил набить карманы за её счёт.

Услышав тяжёлый вздох матери, Ли Цинвэнь понял: она снова изводит себя старыми обидами.

— Матушка, забудьте об этом, — мягко сказал он. — Будем считать это платой за избавление от бед. Главное — отец дома, это важнее всего. К тому же, если в следующий раз нам понадобятся подорожные грамоты, и дело не выгорит, мы снова пойдём к нему. Скажем, что наш сахар не продаётся, денег нет, и попросим помочь по-родственному.

Услышав эти бесстыдные слова, госпожа Чэнь рассмеялась:

— Ох, и в кого ты такой уродился? Все в нашей семье люди совестливые, а ты у нас, видать, за всех бесстыдником будешь.

— С добрыми людьми и мы по совести, а с теми, кто только выгоду ищет, нужно и самому быть похитрее, — невозмутимо отозвался Сынок.

Невестка Цзян, ловко вымешивая массу, улыбнулась:

— И правильно, Цинвэнь. Зато тебя никто в обиду не даст.

Когда Ли Цинхун со старшим братом отвезли товар в дом Цю, Цю Эрлан буквально запер за ними дверь на засов: не отпускал, пока не усадил обедать. Узнав, что братья побывали в Пограничном городе, он сгорал от любопытства, выпрашивая подробности. Сердце его ныло от желания увидеть всё своими глазами, но он понимал, сколько опасностей таит такой путь, а потому лишь сокрушённо вздыхал.

Вскоре пришла пора пахоты. Пришлось пустить в дело и мула, и коня. Ли Цинвэнь, как ни жалел верную Тяньцао, вынужден был запрячь её в плуг.

Две головы скота на один двор — такого в деревне ещё не видывали. Односельчане завидовали, поговаривая, что Ли Цинжуй с братьями за эти полгода, должно быть, разбогатели, раз завели такое хозяйство. Да ещё и второго сына в столицу учиться отправили! Одно небо знает, сколько серебра нужно, чтобы добраться до столицы, да ещё и жить там — людям было

страшно даже представить такие траты.

Пошли расспрашивать Ли Маоцюня, но дядя Цюнь лишь отмахивался: мол, продали пушнину да травы лечебные, вот и всё. Многие в деревне загорелись идеей и стали интересоваться, пойдут ли они снова. Скрывать свои планы семья Ли не собиралась, и Маоцюнь подтвердил: да, пойдём.

Смельчаки тут же заявили, что хотят вместе с ними.

— Кто смерти не боится, пусть пробует, — прямо сказал Ли Маоцюнь. — Но сразу предупреждаю свои семьи: если кто на дороге голову сложит, чтобы потом никаких упреков в наш адрес не было.

Эти слова многих остудили: серебро-то всем нужно, а вот жизнь терять не хотелось.

Кое-кто, однако, решил, что это лишь отговорки, и пошёл к главе клана, Ли Бэньшаню. Просили, чтобы тот замолвил словечко — мол, все мы родственники, грех прибыть в одиночку грести. Ли Бэньшань, заранее предупреждённый племянником, только головой качал:

— Путь в тысячи ли сквозь вьюги и снега — это не шутки. Стоит подхватить лихорадку, и без знающего медицину Ли Цинчжо живым не вернёшься. К тому же земли те принадлежат северным племенам, там Великая Лян никогда не властвовала. Враги кругом, в любой миг нагрянуть могут — слишком опасно.

Только после этих слов люди поутихли: пока нужда не припёрла окончательно, лезть в пасть к волку никто не хотел.

Когда пахота закончилась, приехал коробейник Цю с деньгами. Он же и подтвердил, что новые узоры в городе уже всю копируют другие мастера. Поскольку они были слишком простыми, Ли Цинвэнь не слишком расстроился.

Выучив «Сто фамилий», сынок далеко обогнал в учёбе Ли Цинфэна и племянников, начав учиться письму у Ли Маосяня. Учиться писать для него было труднее, чем для остальных. За долгие годы он привык писать ручкой, и теперь, когда пришлось братья за кисть, тело словно сопротивлялось. Постановка руки и сила нажима были совсем иными. Но выбора не было: в этом мире не существовало ручек, приходилось, скрепя сердце, осваивать волосяную кисть.

Когда Ли Цинму пришёл вместе с братьями своей жены, Ли Цинвэнь как раз мучился, исправляя положение руки. В восточной комнате нужно было принимать гостей, и дядя Маоцюнь велел племяннику идти отдохнуть. Сынок, потирая затёкшее запястье, с радостью ушёл.

Ли Маосянь сразу понял, зачем пришёл племянник. Едва усевшись, Ли Цинму попросил взять

с собой в Пограничный город братьев его жены.

— Дядя, мои шурины хоть и не шибко смышлёные, зато честные, работающие и послушные, — говорил Ли Цинму. — Силы им не занимать, любой груз донесут. Если не отправим их на заработки, с голоду помрут. Я знаю, что путь опасный, но деваться некуда... Будь я один, без стариков и детей на руках, сам бы пошёл счастья попытать. Всё лучше, чем каждый день над пустой чашкой кручиниться.

Маосяню нечего было возразить. Он позвал старшего сына и велел ему рассказать братьям Лю всё о тяготах пути и о том, что нужно собрать в дорогу.

Едва Ли Цинму с братьями Лю ушли, как по деревне поползли слухи. Одни называли Цинму безрассудным, другие же сочувствовали: в их домах нужда была такой, что поездка на север казалась единственным шансом выжить.

Тем временем старая госпожа Чжан наконец смекнула: раз младший сын так легко отдал ей зерно и деньги, значит, нажил на стороне немалое богатство! Она примчалась в дом Второго дедушки к Ли Маоцюню, требуя выдать ей деньги. Маоцюнь лишь сухо ответил, что денег нет, а жизнь свою он ей не отдаст.

Старуха принялась за старое: крики, слёзы, катание по земле... Маоцюнь, собиравшийся помочь дядям в поле, плюнул на всё, подхватил вещи и ушёл. Он не верил в её угрозы покончить с собой и, не оборачиваясь, направился в уездный город. Он решил, что будет ждать в ямэне — как только прибудет стража с каторжанами, он тут же даст знать.

Госпожа Чжан попыталась было надавить на Ли Бэньшаня, но сын главы клана просто выставил её за ворота.

После того как братья Лю проложили путь, к Ли Маосяню потянулись и другие. На самом деле, чем больше людей в караване, тем безопаснее, но отец Ли боялся — если случится беда, семьи погибших придут к нему с упрёками. Обычные люди часто забывают свои обещания «никого не винить», когда горе стучится в дом. Только за Ли Цинму он поручился, зная его характер и отчаянное положение его семьи.

Ли Маосянь устал от бесконечных просьб. Кое-кто даже пытался тайком всучить ему деньги, надеясь купить место в караване, но он сурово выставил просителей. Видя, что по-хорошему не выходит, некоторые заявили, что пойдут следом сами по себе, и если что случится — винить будут только себя. Маосянь велел им идти к старосте Го Дацюаню и главе клана, чтобы те зафиксировали их решение.

После этого Ли Маосянь собрал старосту и старейшин других кланов деревни, чтобы окончательно прояснить ситуацию. Смерть в пути — дело серьёзное, и он не хотел, чтобы кто-то питал иллюзии насчёт лёгкой наживы.

Под эти шумные споры начался весенний сев. Благодаря мулам и коням, а также помощи братьев Лю, семья Ли управилась быстро. Братья Лю, зная о своём шансе, трудились не покладая рук: сначала в доме Маосяня, затем у Ли Цинму.

Весенние ветры в этих краях были яростными, поднимая тучи пыли, что забивалась в глаза и рот. Ли Цинвэнь, поработав несколько дней в поле, чувствовал, что приносит на себе домой едва ли не несколько фунтов земли.

На полях начали пробиваться сорняки и травы. Ли Цинвэнь строго-настрога наказал матери и невестке: как только трава-веер даст семена, нужно собрать их побольше. Поскольку в прошлый раз всё Пограничье было завалено снегом, он не знал, растёт ли там эта трава, так что лучше было запастись заранее.

<http://bllate.org/book/15828/1441043>